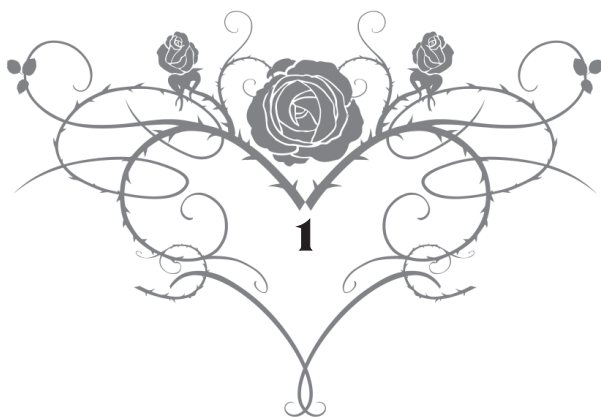

В твоих объятиях
я чувствую себя
защищенной, но рядом
со мной тебе всегда
грозила опасность.

Лили

Лили

Кейн, я убила всех и вся, что было мне дорого, чтобы защитить свою одержимость тобой. И все же, наблюдать, как ты уходишь, пусть даже на работу в обычный будний день как сегодня, — это самое тяжелое, что мне приходилось когда-либо делать.

Ты замираешь в нерешительности. Как будто читаешь мои мысли и чувствуешь то же, что и я.

— Мне не нравится покидать тебя, — признаешься ты, когда мы подходим к входной двери.

Твоя сумка-портфель ожидает тебя на изящной консоли из черного африканского дерева в небольшой прихожей у входа. По другую сторону дверей два охранника дежурят в вестибюле у лифта. Учитывая предпринятые меры безопасности, злоумышленнику практически невозможно проникнуть в пентхаус.

Я знаю правду — ты не защищаешь дом, ты прячешь в нем меня.

— Разве не говорят, что любовь в разлуке крепнет? — Я улыбаюсь, несмотря на то, что горло сжимается от ненасытной потребности быть рядом с тобой.

— Хватит с меня разлуки, — стиснув зубы, отвечаешь ты. В твоих темных глазах вспыхивает гнев, твоя ярость становится ощутимой. Почти все время ты держишь ее под контролем, но я знаю, что она внутри тебя. А вот что ее вызывает — наша разлука или мое возвращение — я не знаю.

Мы потеряли друг друга на несколько лет — дольше, чем мы были вместе, и ты, возможно, никогда не простишь меня за это. Но за что ты должен ненавидеть меня, так это за то, что мы вообще встретились.

Мое влечение к тебе было слишком сильным, и я большая эгоистка.

— Если бы я любил тебя еще больше, Сетаре, — шепчешь ты, обжигая меня своим страстным взглядом, — ты бы задохнулась.

Полагаю, ты даже не представляешь, насколько верно это утверждение. Твоя энергия и амбиции, твое обаяние и ум... Ты потрясающий. Твой внутренний огонь согрел мою душу, а наша страсть поглотила всех, кто нас окружал.

Я подхожу ближе и прижимаюсь к тебе всем телом, обвивая руками узкую талию. Твое тело твердое и теплое. Тебе всегда удавалось растопить мой лед, и я растворяюсь в тебе, а мои слегка округлые формы сливаются с твоими упругими мышцами. С глубоким вдохом ты обнимаешь меня, укрывая своим высоким телом. В твоих объятиях я чувствую себя защищенной. Но со рядом со мной тебе всегда грозила опасность.

— Я никуда не денусь и буду ждать тебя, — обещаю я, потому что знаю, — тебе нужно это услышать. Ты до-

статочно умен, чтобы не верить всему, что я говорю, если ты вообще во что-то веришь. Тем не менее ты знаешь, что моя любовь к тебе переходит все границы разумного. Это единственное, что нас объединяло и в чем мы действительно нуждались.

Где-то в отдаленном уголке моего сознания я представляю себе другую картину. Мы стоим у входной двери, собираясь вместе начать день и выскочить на улицу в разных направлениях. Мы торопливо чмокаем друг друга в губы и радостно смеемся, потому что мир принадлежит нам, и нам нечего бояться. Мы безумно любим друг друга, и нет ни тревоги, ни страха, что это расставание станет для нас последним.

Ты прижимаешься губами к моей макушке.

— Надеюсь, ты планируешь медовый месяц. Как только приложение «ЕКРА плюс» выйдет на рынок, мы уедем.

— Что думаешь насчет снега? — предлагаю я. — Большие сугробы. Удаленное шале и на мили вокруг ни души. Ни приехать, ни уехать, кроме как на снегоуборочной машине. Огромный камин с грудой меховых шкур перед ним. И дымящееся джакузи на террасе.

— Превосходно. — Ты отстраняешься и целуешь меня в кончик носа. — Я не дам тебе замерзнуть.

В этом нет никаких сомнений. Твое влечение ко мне почти такое же сильное, как и мое к тебе.

Запрокинув голову, я внимательно рассматриваю твое лицо. Господи, какой же ты великолепный. Квадратная челюсть, прямой нос, высокие точеные скулы. При виде этого лица ангелы начинают петь, и эти полные чувственные губы толкают женщину на грех. А глаза, почти черные, обрамленные настолько густыми рес-

ницами, что тебя можно было бы считать смазливym, если бы ты не был таким мужественным.

Как бы я хотела, чтобы меня привлекли к тебе только твоя внешность и неукротимая мужская энергия. Страсть вспыхивает с новой силой, а затем угасает. Поначалу я говорила себе, что именно это и случится между нами, но никогда в это не верила. С первой нашей встречи ты увидела меня настоящую. Среди всех моих личин твоему проницательному жадному взгляду удалось заглянуть в мою душу. И там, где другие нашли бы страх, ты нашел любовь.

Опустив голову, ты припадаешь к моим губам в глубоко опьяняющем поцелуе. В нем чувствуются страсть и ярость, жажда и ненасытное желание. Мы занимались любовью на рассвете, и на моем теле все еще ощущаются отпечатки твоих рук и губ, но твой поцелуй выражает такой голод, что я знаю — тебе его не утолить.

Исчезнет ли когда-нибудь это ощущение неизвестности?

Тяжело дыша, ты отстраняешься и прижимаешься своим лбом к моему.

— Это попытка.

Затем резко отталкиваешь меня, хватаешь свой портфель и рывком распахиваешь входную дверь, как будто если не уйдешь сейчас, то вообще не сможешь уйти. Дверь почти защелкивается на замок, когда ты распахиваешь ее снова и находишь меня на том же самом месте, где оставил.

— Я тебя люблю.

Я слегка улыбаюсь и прижимаю ладонь к ноющему сердцу.

— Знаю.

В тишине после твоего ухода я облегченно выдыхаю, и напряжение в плечах уменьшается. Мы привыкли быть в одиночестве, но сейчас... меня наполняет тоска.

Так далеко

В пентхаусе ненадолго воцаряется тишина. Он словно впадает в спячку в твое отсутствие, отдыхает, пока ты не вернешься со своим неумным задором и неистовой энергией. Уложенный плиткой пол с подогревом приятно согревает босые ноги, но я представляю, что он сохраняет твоё тепло, подобно камню на солнце.

Я одинока в своём горе, мои руки в крови.

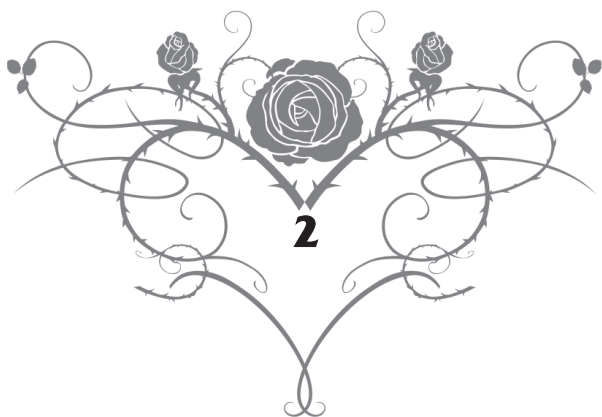
Высотка, в которой мы живём, покачивается на ветру с жалобным стоном. Этот звук мне знаком и напоминает странно успокаивающую элегию.

Теперь, когда я убила Вэлону Ласку и открыла тебе худший из своих секретов, мне хочется избавиться от фальшивой личности, которую придумала, чтобы войти в твою жизнь. Лили Ребекка Йейтс может наконец покоем на дне Атлантического океана. Ты знаешь, что я не она, не та идеальная женщина, которая была доброй и бескорыстной, без страшных семейных тайн.

Но ты всё равно хочешь меня.

Тем не менее всё наше окружение считает, что ты женат на Лили. Они никогда не узнают, что Лили была ложью.

Так что, полагаю, на самом деле я совсем не одинока. Женщина, чью жизнь и мужа я украла, преследует меня словно призрак каждую минуту, каждый час, каждый день.

Лили

1 мая 1999 года

Большинство людей верят, что узнали бы Смерть, вездесущую старуху в черном балахоне и с косой в руках. Но она никогда не скрывала своих чар таким образом. Ее саваном был водопад блестящих угольно-черных волос. Она выставляла свое тело напоказ, а кроваво-красная улыбка была ее клинком. Мне это известно, потому что она была моей матерью.

Я подготовилась к ее приезду, уделив особое внимание своей внешности, как она меня и учила. Быстрым, отработанным движением кисти я нарисовала стрелки на верхнем веке, создав эффект кошачьего глаза. Все это я уже проделала утром перед тем, как отправиться в школу, но вернувшись домой, тщательно вымыла лицо и начала все сначала. Мой макияж (броня, как любила называть его моя мать) должен быть свежим и безупречным.

Затем я занялась квартирой. Поспешно распахнула оконные рамы. Она любила свежий воздух. Я же пред-

почитала оставлять окна закрытыми, когда была одна. Без несмолкаемого шума бруклинского транспорта внизу я чувствовала себя в большей безопасности. При опущенных рамах звуки города казались приглушенным гулом, похожим на пульсацию крови в утробе матери. Мы больше не жили вместе, но она присматривала за мной и обеспечивала деньгами, а квартира-студия, в которой я жила, казалась мне самым безопасным местом на свете. Я часто вспоминала маму в этом пространстве настолько отчетливо, как будто она всегда была со мной.

Из проигрывателя рядом с телевизором лились слова песни Creedence Clearwater Revival о том, как они выглядели через заднюю дверь. Маме нравилась музыка из другой эпохи, а современную она считала бессодержательной. Если не считать Принса, который, по ее мнению, был исключительно талантливым музыкантом, она не испытывала восторг от современных исполнителей. В воздухе витал аромат ванили и цветущей вишни благодаря свече, которая горела на журнальном столике, покрытом шалью. Мама любила, чтобы в помещениях пахло хорошо, а точнее, женственно. Мускус и сандаловое дерево казались ей слишком мужскими ароматами.

Она ненавидела мужчин. Не знаю почему. Да я никогда и не спрашивала, потому что наши встречи были редкими и недолгими, и я не хотела омрачать их неприятными разговорами. Однако я часто задавалась этим вопросом. Особенно потому, что мужчины ее любили и были готовы ради нее на все. Обанкротиться, разрушить свои семьи и погубить жизни. Она часто говорила мне, что они по сути своей слабаки, пригодные только для получения денег и оплодотворения.

Но рядом с ней всегда был мужчина, хоть он и не задерживался надолго. Каждый раз, когда я ее видела, у нее появлялся новый ухажер. Дерек. Рейналдо. Пьер. Джереми. Томас. Хан. И так много других имен, которые я уже забыла. Я не заостряла на них внимание, когда она рассказывала. Гораздо интереснее было наблюдать, насколько оживленной или нет она была, описывая их.

Закончив с макияжем, я осмотрела себя критическим взглядом. Были ли мои волосы идеально прямыми без единого завитка, без спутанных прядей? Аккуратно ли нанесена помада?

«Ты такая красивая девушка, — сказала мне учитель физики годом ранее, когда я училась в десятом классе. — Тебе вообще не нужно краситься».

Я рассказала об этом маме, когда она спросила, как дела в школе. Ее улыбка была напряженной. *«Думаю, мне нужно поговорить с мисс Бустаманте»*, — сказала тогда она.

Я поняла в тот же день, что встреча состоялась, хотя никто не упоминал о ней ни до, ни после. Я поняла это, потому что мисс Бустаманте больше не приглашала меня позаниматься с ней после уроков, чего я ждала с нетерпением. Наши занятия избавляли меня от необходимости проводить лишний час или два дома в одиночестве. И теперь, когда она смотрела на меня, в ее глазах был страх.

«Ты расстроена, — заметила мама, когда навестила меня в следующий раз. — Тебе не хватает ее внимания, хотя это внимание могло бы смягчить тебя и заставить соответствовать ее представлению о том, какой ты должна быть. Арасели, мы не такие слабые. Мы знаем, кем являемся, и никто не сможет нас изменить. Избавляйся от любого, кто попытается это делать».

Она была единственным человеком, который когда-либо называл меня Арасели, именем, которое выбрала для меня. Она никогда никому не говорила о нем и научила этому меня. Я воспринимала это как забавную игру. Если мне нравилось имя, я могла использовать его до тех пор, пока не сменю школу и не возьму другое, которое мне нравится больше.

«Мы не живем в определенных рамках, — говорила она. — Мы не ограничены тем, что до конца своей жизни должны оставаться кем-то одним. Мы свободны, ты и я. Мы можем делать все что захотим».

Я так сильно ее любила. Я никогда не забывала, как мне повезло быть ее дочерью.

Услышав, как в дверном замке поворачивается ключ, я быстро обернулась, отчего мои длинные волосы растрепались. Испугавшись, что она может высказать недовольство этим, я торопливо расчесала пальцами спутанные пряди. Я чувствовала радостное возбуждение, а не нервозность. В то время как моим одноклассникам нелегко давалась уверенность в себе и они страдали из-за комплексов по поводу своего тела, я знала, что пусть я и не совсем похожа на свою мать, но довольно близка к тому, чтобы быть красивой. Все, что она создавала, было прекрасным.

— Привет, дорогая. — Ее голос звучал словно песня сирены.

На мгновение я залюбовалась ее видом: туфли на высоких каблуках с тонкими ремешками на щиколотках, элегантное черное платье на одно плечо, облегающее ее стройную фигуру, блестящие черные волосы... Затем я впиалась жадным взглядом в ее лицо. Как у ангела, совершенное во всех отношениях. Бледная, словно фарфоровая кожа, которая служила полотном для тем-

ных бровей, изумрудно-зеленых глаз, обведенных черной подводкой, и алых губ.

Я подбежала и бросилась в ее объятия, подобно волнам, разбивающимся о берег. Ее мелодичный смех коснулся моих ушей, когда она прижала меня к себе, и меня окутал аромат роз, смешанный с цитрусовыми нотками.

Биение ее сердца под моим ухом было самым любимым звуком. Я все еще росла, поэтому мне пришлось немного ссутулиться, чтобы оказаться там, где мне больше всего нравилось. Ее тело источало тепло, ее объятия были крепкими. В глубине души я всегда тосковала по ней и прижалась еще сильнее, пытаясь заполнить эту пустоту.

— Мы виделись не так давно, — прошептала она мне в волосы, и я не стала перечить, хотя прошло уже несколько недель. Чем старше я становилась, тем дольше она отсутствовала.

В средней школе она уезжала на неделю. Когда я перешла в старшие классы, ее отлучки растянулись почти до месяца. Она звонила мне каждые несколько дней, утоляя мою потребность в ней звуком своего голоса. Она следила, чтобы у меня было достаточно денег на питание, и раз в пару месяцев мы отправлялись по магазинам, всегда винтажным, чтобы развлечься и приобрести все необходимое, когда менялись сезоны и я вырастала из старой одежды.

«Важно одеваться вне времени и моды, — наставляла она. — И лучше носить дизайнерскую одежду, чем второсортное тряпье массового производства».

— Comment vas-tu, chérie?* — спросила она, проверяя меня. В школе я учила испанский, так было практичнее.

* Как ты, дорогая? (франц.)

